

АНДРЕЙ РАНЧИН

СТО ЛЕТ СПУСТЯ. «ГРАНАТОВЫЙ БРАСЛЕТ» АЛЕКСАНДРА КУПРИНА

Опыт интерпретации

Этот рассказ, написанный и изданный более ста лет назад¹, представляется на первый взгляд простым и ясным: перед нами трагическая и прекрасная история возвышенной платонической любви. Не случайно «Гранатовый браслет» стал расхожим примером в итоговых сочинениях 2019/2020 учебного года на такие темы, относящиеся к направлению «Он и она», как «Чем можно пожертвовать ради любимого человека?» или «Легко ли быть любимым?» На различных сайтах по подготовке к итоговому сочинению, рассказ неизменно занимал первые места в списках рекомендуемой художественной литературы.

Приведенное выше определение темы купринского творения, конечно, верное. Однако понять его подлинный глубокий смысл далеко не так просто, как может показаться на первый взгляд.

Прежде всего: какова любовь Желткова к княгине Вере Шеиной? Что это за любовь? Зачем мелкий чиновник, служащий акцизного ведомства докучает замужней даме своими письмами?

Школьники, высказывающиеся на сей счет, неоднократно уличали трепетного почитателя княгини Веры в сексуальном домогательстве. И такая трактовка поведения Желткова свойственна отнюдь не только им. На сайте Библиотеки Максима Мошкова «Гранатовому браслету» посвящен семьдесят один комментарий. И во многих откликах послания купринского героя Вере оценены как попытки добиться любви в самом простом и обыкновенном ее понимании. Так, читательница с ником *Добрая девочка* замечает: «Кошмар моей юности») Желтков вызывает жалость как безответный влюбленный. Но интересно, почему Вера должна бросать все: любимого и любящего мужа, спокойную разменянную жизнь, сложившийся круг общения ради погони за призраком, пусть этот призрак и самая большая в жизни любовь?» Комментатор Александр представляет желанное, но не обретенное счастье Желткова и Веры как соединение не только душевное, но и плотское: «Не один раз приходилось мне слышать: „Жизнь прошла стороной”. В „Гранатовом браслете” стороной прошла любовь. Кто, как не Куприн, так образно и так наглядно мог показать такую невеселую историю двух людей! Ведь, ладно бы человек, как и 99,9% живущих на земле, не испытал бы всего это по причине отсутствия второй

Ранчин Андрей Михайлович родился в 1964 году в Москве. Доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ. Автор многочисленных монографий и научных статей. Живет в Москве. Постоянный автор «Нового мира».

¹ «Гранатовый браслет» был написан в 1910 году, напечатан в 1911-м. Из двух жанровых определений произведения, встречающихся в литературе о нем (рассказ и повесть), я предпочитаю первое, так как по временному охвату и по количеству событий в сюжете это, несмотря на довольно значительный объем, скорее именно рассказ.

половинки, или почему-нибудь еще, — тогда ладно. Но тут обе половинки на лицо, и счастье в течении восьми лет было рядом — протяни только руку. Вот что печально, вот что заставляет думать и сопереживать! Великий писатель Куприн наш Александр Иванович!»²

Мало того. 28 июля 2017 года на Театральной площади в Гатчине, городе, в котором довелось жить автору «Гранатового браслета», была открыта скульптурная композиция «Мужчина и женщина» — дар от АО «ЛОЭСК». На церемонии открытия памятника генеральный директор этой организации Дмитрий Симонов произнес речь, в которой были такие слова о скульптуре женщины: «Элегантная девушка, пусть имя ее будет то же, как и в повести Куприна, Вера. Напротив нее — наш современный денди, давайте назовем его, как и героя повести, Георгий. Вроде бы совсем рядом, но все же на разных скамьях. Продолжение нашей повести будет совсем другое. „Вера и Георгий посмотрели друг другу в глаза. Прекрасная погода, прекрасное утро, прекрасная Гатчина. Откуда-то издалека доносится тихая музыка, и они уходят по аллеям в свое счастливое завтра...”. Журналист, описавший торжество, добавил: «Присутствовали на митинге представители власти. Елена Любушкина похвалила АО „ЛОЭСК” за многолетнее сотрудничество и предположила, что множество молодых пар, встречаясь на этих скамейках, станут творить прекрасное будущее нашего города. <...> А чтобы освежить в памяти классику, актеры в ролях Веры и Георгия раздавали зрителям книги Куприна и устраивали фотосессию»³.

Какое прекрасное будущее «станут творить» на городских скамейках под благословение металлических «Веры» и «Георгия»⁴ молодые пары — бог весть... (Надеюсь, представительница властей не имела в виду принародные занятия любовью — то бишь сексом, к настоящим Вере и Желткову никакого отношения не имеющие.) Что же касается предложенного меценатом «продолжения» — переписывания финала купринского рассказа, то это — невзирая на благие намерения автора речи — не более чем пример торжествующей пошлости, превращение истории высокой любви в мелодраму о «любвите» (или как там еще можно образовать форму единственного числа от иронического неологизма, придуманного Маяковским). Словом, «маэстро, сделайте нам красиво» — чтобы happy end был, чтобы музыка звучала.

В реальности переписать «Гранатовый браслет», чтобы получилась душещипательная, но все же оптимистичная мелодрама, не получится. Соединение Желткова и Веры невозможно. Во-первых (но это не главное), потому, что между ним и ею социальная пропасть. «История любви бедного чиновника к светской даме», по замечанию Дмитрия Святополк-Мирского⁵. История вроде описанной в стихотворении Петра Вейнберга, положенном на музыку Александром Даргомыжским и известном едва ли не всей России:

Он был титулярный советник,
Она — генеральская дочь;
Он робко в любви объяснился,
Она прогнала его прочь⁶.

Правда, несчастный вейнберговский персонаж не стреляется, а предается беспробудному пьянству, к тому же княгиня Вера Шеина не в пример генераль-

² См.: <http://az.lib.ru/comment/k/kuprin_a_i/text_0170?&COOK_CHECK=1>. При цитировании читательских комментариев здесь и далее сохраняются орфография и пунктуация оригинала.

³ Антоненко Евгений. «Вера и Георгий получили второй шанс». <<http://gatchinka.ru/poseleniya/gatchinskoe-gorodskoe-poselenie/vera-i-georgij-poluchili-vtoroj-shans.html>>. Сохранена пунктуация оригинала.

⁴ Кованые скульптуры работы Тимура Садуллаева, впрочем, весьма интересные.

⁵ Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года. Пер. с англ. Р. Зерновой. London, «Overseas Publications Interchange Ltd», 1992, стр. 602.

⁶ Поэты «Искры». Л., «Советский писатель», 1950, стр. 139.

ской дочери смогла оценить и понять преданную любовь-преклонение господина Желткова. Но это нюансы. Вейнберг создавал обобщенную ситуацию на основе литературного мотива, который многократно использовался прежде, в самых разных вариациях. Предмет любви мелкого чиновника — «маленького человека» мог быть различным: от дочери высокопоставленного начальника (гоголевские «Записки сумасшедшего») до бедной девушки, отнюдь не возвышающейся в социальном отношении над своим обожателем («Бедные люди» Достоевского). Итог оказывался одним и тем же: тайл бедняк свои чувства или признавался в них — он неизменно оставался одинок, порой терпя жестокое фиаско в сравнении с сильными мира сего — такими, как господин Быков из романа Достоевского.

Георгий Желтков, конечно, не робкий Макар Девушкин и прочие «маленькие люди». Строки его предсмертного письма: «...я ее люблю потому, что на свете нет ничего похожего на нее, нет ничего лучше, нет ни зверя, ни растения, ни звезды, ни человека прекраснее Вас и нежнее. В Вас как будто бы воплотилась вся красота земли...»⁷ не мог бы написать ни герой «Записок сумасшедшего», ни этот персонаж Достоевского — способный тонко чувствовать, но изысканный несколько косноязычно и нередко в дурном вкусе: для любимой им девушки он не нашел слова лучше «маточки». К тому же у купринского персонажа есть чувство чести и собственного достоинства: оскорбленный хамскими угрозами Вериного брата, он сначала реагирует презрительно, а затем Николая Туган-Барановского демонстративно не замечает, адресуя свои слова лишь мужу княгини Веры: «— Простите. Как вы сказали? — спросил вдруг внимательно Желтков и рассмеялся. — Вы хотели обратиться к власти?.. Именно так вы сказали? — Он положил руки в карманы, сел удобно в угол дивана, достал портсигар и спички и закурил. — Итак, вы сказали, что вы хотели прибегнуть к помощи власти?.. Вы меня извините, князь, что я сижу? — обратился он к Шеину. — Ну-с, дальше?» (52)⁸

Принявший окончательное, последнее решение, он выказывает даже надменность — свойство, которое в беседе могло до Куприна проявлять только «значительное лицо», но отнюдь не «маленький человек»: «— Вот и все, — произнес, надменно улыбаясь, Желтков. — Вы обо мне более не услышите и, конечно, больше никогда меня не увидите. Княгиня Вера Николаевна совсем не хотела со мной говорить. Когда я ее спросил, можно ли мне остаться в городе, чтобы хотя изредка ее видеть, конечно не показываясь ей на глаза, она ответила: „Ах, если бы вы знали, как мне надоела вся эта история. Пожалуйста, прекратите ее как можно скорее“. И вот я прекращаю всю эту историю. Кажется, я сделал все, что мог?» (55).

Родовая, семейная реликвия — примета дворянской жизни, а отнюдь не беспросветно-серого прозябания «маленького человека». Какую «ветошку», унаследованную от предков, мог бы подарить Башмачкин или хотя бы Макар Девушкин?.. Антураж, вещественный мир, окружающий Желткова, вообще не вполне обычен для «маленького человека»: в нем есть «связь со „сказочностью“», проявляющаяся в «несколько „таинственном“ облике» героя: «Он обладатель редкого зеленого граната и имеет „родословную“. Его комната бедна, но диван покрыт „истрепанным прекрасным текинским ковром“»⁹. Впрочем, как раз ничего сказочного в этом, может статься, и нет. Один из первых «маленьких

⁷ Куприн А. Полное собрание сочинений. Т. 5. СПб., «Товарищество А. Ф. Маркс», 1912, стр. 57. В дальнейшем «Гранатовый браслет» цитируется по этому изданию, страницы указываются в тексте статьи.

⁸ Как замечает А. А. Волков, Желтков в этой сцене «как бы обретает сознание собственного морального превосходства. И тут наступает переломный момент сцены». — Волков А. А. Творчество А. И. Куприна. 2-е изд. М., «Художественная литература», 1981. Цит. по электронной версии <<http://a-i-kuprin.ru/books/item/f00/s00/z0000014/st004.shtml>>. Оговорка «как бы» здесь, конечно, неуместна.

⁹ Бабичева Ю. В. Александр Куприн. — История русской литературы: в 4 тт. Т. 4. Л., «Наука», 1983, стр. 385, примеч. 15.

людей», Евгений из пушкинского «Медного всадника», был потомком древнего, но захиревшего дворянского рода. У такого героя могла бы храниться семейная реликвия. Не исключено, что образ Желткова должен проецироваться не только на образы персонажей Гоголя и Достоевского, но и ассоциироваться с безумцем бедным из «петербургской повести» Пушкина¹⁰.

И все же социальное различие между княгиней Верой Шеиной и ее преданным почитателем — изъясняясь на языке грибоедовского полковника Скалозуба — «дистанции огромного размера». Да и психолога Желткова (пока не задета, не оскорблена его честь — то есть его любовь!) — это во многом именно внутренний мир «маленького человека». И, между прочим, никаких черт «денди» в нем, конечно же, нет напрочь.

Во-вторых (и это главное!), любовь Желткова к Вере не предполагает ни взаимности, ни тем более обладания. Правда, в письме, приложенном к подаренному им браслету, купринский герой признается: «Краснею при воспоминании о моей дерзости семь лет тому назад, когда Вам, барышне, я осмеливался писать глупые и дикие письма и даже ожидать ответа на них» (25). Но и эти признания нет оснований считать попыткой добиться настоящей взаимности. Главное же — автор письма тотчас же после этих строк добавляет: «Теперь во мне осталось только благоговение, вечное преклонение и рабская преданность. Я умею теперь только желать ежеминутно Вам счастья и радоваться, если Вы счастливы. Я мысленно кланяюсь до земли мебели, на которой Вы сидите, паркету, по которому Вы ходите, деревьям, которые Вы мимоходом трогаете, прислуге, с которой Вы говорите» (25).

Если прибегнуть к метаязыку Юрия Лотмана¹¹, можно сказать, что любовь Желткова — это «вручение себя», а не чувство, предполагающее возможность «договора», отношений равных, «партнерства» в любви. Символом такого «вручения себя», дарования княгине Вере права распоряжаться его жизнью и смертью является гранатовый браслет с редким зеленым камнем; Желтков сообщает ей: «Посередине, между большими камнями, Вы увидите один зеленый. Это весьма редкий сорт граната — зеленый гранат. По старинному преданию, сохранившемуся в нашей семье, он имеет свойство сообщать дар предвидения носящим его женщинам и отгоняет от них тяжелые мысли, мужчин же охраняет от насильственной смерти» (24). Даря Вере этот браслет, Желтков вручает ей свою жизнь; Вера запрещает ему писать и не принимает подарка (то есть и жизни дарителя) — он кончает с собой. И зловещий блеск пяти других, красных камней браслета («„Точно кровь!“ — подумала с неожиданной тревогой Вера» — (23 — 24)), и сбывшееся предчувствие героини («...я знаю, что этот человек убьет себя» — (55)), словно обретшей способность предвидения благодаря прикосновению к гранатовому браслету, — свидетельства, знаки неизбежной трагической развязки¹². Несколько непонятная на первый взгляд сюжетная деталь — первая встреча Желткова с Верой в цирке, скорее всего, тоже вписывается в этот ряд зловещих примет и предчувствий: цирк должен ассоциироваться не с веселым «балаганом», где коверные потешают публику, как ассоциируется сейчас («цирк уехал, а клоуны остались»), и не с «кеятрами», где, по словам гоголевского Осипа, «собаки тебе танцуют». В контексте всего рассказа цирк соотносится с римским цирком, с Колизеем — с ареной, на которой «идущие на смерть» гладиаторы приветствовали Кесаря. Именно таким смыслом метафора

¹⁰ См. об этом подробнее: Ранчин А. «Гранатовый браслет» А. И. Куприна на скрещении традиций. — Текст и традиция: Альманах. [Вып. 5]. СПб., «Росток», 2017, стр. 20 — 31; статья переиздана в книге: Ранчин А. М. Контекст и интерпретации: Этюды о русской словесности. М., «Литфакт», 2019, стр. 241 — 254.

¹¹ Лотман Ю. М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры. — Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 3. Таллинн, «Александра», 1993, стр. 345 — 355.

¹² О сложной символике дара Желткова см. подробнее в моей статье: Ranczup Andriej. Гранатовый браслет в *Гранатовом браслете* Александра Куприна: символика образа. — «Slavia Orientalis», 2020. No 1 (в печати).

цирк наделена, например, в стихотворении графини Евдокии Ростопчиной «Цирк девятнадцатого века» (1850), где есть такие строки:

Свет не простит бессильному ошибки,
Он слабым враг!... Будь тверд!... Не оплошай
В борьбе с самим собой, в смертельной сшибке....
И как боец средь цирка, так и ты
Будь горд среди толпы и суеты!....

В этом стихотворении, может быть, Куприну знакомом, среди прочих рассказов о сломанных светом судьбах есть история любви светской дамы-красавицы к некоему ему:

Любви словам, мольбам поверя,
Свою любовь дала за них она,
Бесстрашно, не хитря, не лицемеря,
Любила, всей душою предана,
Восторженно и свято, так сердечно,
Что страсть свою считала вековечной!....

Однако *он* «такой любви не понимал, — / Иль, просто цену знать ей не умея, — / Он счастьем невзволнованным скучал <...> Он променял любовь души высокой / На чувственный и мелочной разврат»¹³. Героиню этого стихотворения, хотя ее страсть и далека от платонической любви, отдаленно напоминает Желтков с его неразделенной любовью, тоже восторженно и святой.

Любовь Желткова к Вере сходна с преклонением средневекового рыцаря перед дамой, которой он служит, с почитанием своей госпожи преданным ей трубадуром. Несомненный литературный образец — это «Новая жизнь» Данте Алигьери, автобиографический герой которой испытывает к несравненной донне Беатриче любовь-преклонение. Его чувство всепоглощающее и непреодолимое: когда юный Данте в первый раз увидел свою госпожу, «в эту минуту дух жизни, гнездящийся в самой сокровенной глубине сердца, стал трепетать с такою силою, что его движение чувствовалось в моих самых мелких венах; и, дрожа, он сказал следующие слова: „*Ecce Deus fortior me, qui veniens dominabitur mihi*” (Вот бог, более сильный, чем я, он станет господствовать надо мною)»¹⁴.

Иначе, но об этом же пишет купринский герой в прощальном письме княгине Вере: «Восемь лет тому назад я увидел Вас в цирке в ложе, и тогда же в первую секунду я сказал себе: я ее люблю потому, что на свете нет ничего похожего на нее, нет ничего лучше» (57). Любовь для Желткова стала средоточием всего существования: «Я не виноват, Вера Николаевна, что Богу было угодно послать, мне, как громадное счастье, любовь к Вам. Случилось так, что меня не интересует в жизни ничто: ни политика, ни наука, ни философия, ни забота о будущем счастье людей — для меня вся жизнь заключается только в Вас» (56).

Любовь повелевала герою «Новой жизни» видеть прекрасную госпожу, так что в первые годы он постоянно искал случая осуществить это желание: «Я говорю, что начиная с этой минуты любовь сделалась властительницею моей души, которая тотчас и была ей обручена. И она взяла надо мной такую власть потому, что мое воображение дало ей на это силу, так что с того времени я чувствовал себя принужденным вполне ей повиноваться. Она приказывала стараться видеть этого юного ангела; это и было причиною, что в детстве я часто бегал за нею; и я видел, как она шла вперед с таким благородством и достоин-

¹³ Стихотворенья графини Ростопчиной. Т. 2. СПб., Издание книгопрод. А. Смирдина (сына), 1856, стр. 286, 295.

¹⁴ Данте Алигьери. Обновленная жизнь. Перевод стихами с итальянского А. П. Федорова, с объяснительными примечаниями и вступлением. СПб., Типография Дома Призрения Малолетних бедных, 1895, стр. 50. Цитирую издание, которое могло быть знакомо Куприну.

ством, что к ней вполне можно было применить слова поэта Гомера: „Она не казалась дочерью смертного, но дочерью бога”¹⁵.

Так и еще совсем молодой Желтков сначала докучал Вере письмами — правда, в отличие от дантовского почитателя Беатриче он надеялся на некое подобие взаимности. Как и персонаж «Новой жизни», он боготворит любимую женщину — вовсе не в метафорическом, а в прямом смысле слова. Замечательнейшим выражением этого чувства становится в «Гранатовом браслете» прощальное письмо купринского персонажа, содержащее молитвенное обращение: «Я бесконечно благодарен Вам только за то, что Вы существуете. Я проверял себя — это не болезнь, не маниакальная идея — это любовь, которую Богу было угодно за что-то меня вознаградить.

Пусть я был смешон в Ваших глазах и в глазах Вашего брата, Николая Николаевича. Уходя, я в восторге говорю: „*Да святится имя Твое*” (57)¹⁶.

В финале рассказа эти же слова звучат как рефрен во внутренней речи княгини Веры, вызванной к жизни звуками сонаты Бетховена, которую так любил покойник и которую завещал своей Прекрасной Даме как наиболее полное выражение его чувств к ней:

«И в уме ее слагались слова. Они так совпадали в ее мысли с музыкой, что это были как будто бы куплеты, которые кончались словами: „*Да святится имя Твое*”.

Вот сейчас я вам покажу в нежных звуках жизнь, которая покорно и радостно обрекла себя на мучения, страдания и смерть. Ни жалобы, ни упрека, ни боли самолюбия я не знал. Я перед тобою — одна молитва: „*Да святится имя Твое*”.

Да, я предвижу страдание, кровь и смерть. И думаю, что трудно расстаться телу с душой, но, Прекрасная, хвала тебе, страстная хвала и тихая любовь. „*Да святится имя Твое*”.

Вспоминаю каждый твой шаг, улыбку, взгляд, звук твоей походки. Сладкой грустью, тихой, прекрасной грустью обвеяны мои последние воспоминания. Но я не причину тебе горя. Я ухожу один, молча, так угодно было Богу и судьбе. „*Да святится имя Твое*”.

В предсмертный печальный час я молюсь только тебе. Жизнь могла бы быть прекрасной и для меня. Не ропщи, бедное сердце, не ропщи. В душе я призываю смерть, но в сердце полон хвалы тебе: „*Да святится имя Твое*”.

Ты, ты и люди, которые окружали тебя, все вы не знаете, как ты была прекрасна. Бьют часы. Время. И, умирая, я в скорбный час расставания с жизнью все-таки пою — слава Тебе.

Вот она идет, все усмиряющая смерть, а я говорю — слава Тебе!..» (62-63)

Собственно, эти строки и есть молитва, подобная той, в которую мог бы облечь герой Данте восторг и почтение перед своей Донной.

«Да святится имя Твое» — это не только слова из главной христианской молитвы «Отче наш», но и реминисценция из стихов Александра Блока, открывающих второй том его лирики: «Ты в поля отошла без возврата. / Да святится имя Твое!»¹⁷ Ты, героиня этого стихотворения, — вариация блоковского образа Прекрасной Дамы, которая соотнесена с Богородицею католической традиции, о чем свидетельствует прежде всего самое ее именование Прекрасная Дама — наподобие французского Notre Dame или английского Our Lady.

Как рассказывает Вере квартирная хозяйка самоубийцы, полька, он накануне смерти попросил ее повесить не принятый дар перед богородичной иконой: «— Расскажите мне что-нибудь о браслете, — приказала Вера Николаевна. — Ах, ах, ах, браслет — я и забыла. Почему вы знаете? Он, перед

¹⁵ Данте Алигьери. Обновленная жизнь, стр. 50 — 51.

¹⁶ Разрядка в оригинале.

¹⁷ Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 2: Стихотворения. Книга вторая (1904 — 1908), М., «Наука», 1997, стр. 7. Стихотворение было впервые напечатано в 1907 году, за три года до написания «Гранатового браслета», в блоковском сборнике «Нечаянная радость».

тем как написать письмо, пришел ко мне и сказал: „Вы католичка?“ Я говорю: „Католичка“. Тогда он говорит: „У вас есть милый обычай — так он и сказал: милый обычай — вешать на изображение Матки Боски кольца, ожерелья, подарки. Так вот исполните мою просьбу: вы можете этот браслет повесить на икону?“ Я ему обещала это сделать». (60)

Так как княгиня Вера, боготворимая Желтковым, в рассказе неявным образом уподоблена Богоматери, он перед лицом смерти как бы вновь и уже навсегда возвращает ей браслет — как предмет, посвящаемый Деве Марии.

Отсылка к богородичным мотивам (впрочем, не католическим, а православным) заключена, по-видимому, и в такой детали, как послание Желткова княгине Vere, приложенное к гранатовому браслету. Письмо это сложено совершенно необычным образом: «Вера подняла крышечку, подбитую бледно-голубым шелком, и увидела втиснутый в черный бархат овальный золотой браслет, а внутри его бережно сложенную красивым восьмиугольником записку» (23). Странная восьмиугольная форма записки рождает ассоциации с восьмиконечной звездой, изображаемой на Богородичных иконах, в частности на иконе Неопалимая Купина: тем самым даритель Желтков как бы уподобляет княгиню Веру Шеину Приснодеве Марии, словно вручает ей ее атрибут, символически указывает на ее чистоту и совершенство. Таким образом автор рассказа сплетает ткань ассоциаций, сближающих княгиню Веру Шеину с Девой Марией, — при этом, однако, отбрасывая рождественский мотив (княгиня бездетна). По-видимому, эта ассоциация принадлежит не только автору, но и главному герою: складывание Желтковым записки в форме октаграммы, конечно же, не может быть случайностью. Уподобляя княгиню Веру Деве Марии, автор и герой акцентируют ее нравственную чистоту.

Для католической религиозности характерен тонкий сублимированный эротизм, воссозданный в известном стихотворении Александра Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» Это стихотворение — один из ключей к пониманию образа князя Мышкина, центрального персонажа романа Федора Достоевского «Идиот», почитающего Настасью Филипповну за красоту и страдания. Аглая Епанчина, своеобразная соперница Настасьи Филипповны, прямо соотносит князя с паладином Девы Марии из пушкинской баллады; о «рыцаре бедном» она замечает: «Поэту хотелось, кажется, совокупить в один чрезвычайный образ все огромное понятие средневековой рыцарской платонической любви какого-нибудь чистого и высокого рыцаря; разумеется, все это идеал. В „рыцаре же бедном“ это чувство дошло уже до последней степени, до аскетизма; надо признать, что способность к такому чувству много обозначает и что такие чувства оставляют по себе черту глубокую и весьма, с одной стороны, похвальную, не говоря уже о Дон-Кихоте. „Рыцарь бедный“ — тот же Дон-Кихот, но только серьезный, а не комический. Я сначала не понимала и смеялась, а теперь люблю „рыцаря бедного“, а главное, уважаю его подвиги»¹⁸.

Всякие потуги «переписать» финал купринского рассказа отталкивают, отвращают, роняют пошлостью. Для Желткова, преданного любви неземной, платоновской Афродите Урании, а не обыкновенной, «слишком человеческой» любви плотской, Афродите Пандемос, счастье не в плотском союзе, а в соприкосновении душ, может быть, мгновенном, но причастном Вечности. Именно так и происходит, когда княгиня Вера вслушивается в музыку Бетховена, — голос ушедшего Желткова говорит ей об обретенном счастье, о мистическом союзе, связавшем их души: «И в это время удивительная музыка, будто бы подчиняясь ее горю, продолжала: „Успокойся, дорогая, успокойся, успокойся. Ты обо мне помнишь? Помнишь? Ты ведь моя единая и последняя любовь. Успокойся, я с тобой. Подумай обо мне, и я буду с тобой, потому что мы с тобой любили друг друга только одно мгновение, но навеки. Ты обо мне помнишь? Помнишь? Помнишь? Вот я чувствую твои слезы. Успокойся. Мне спать так сладко, сладко, сладко»». (63)

¹⁸ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Художественные произведения. Т. I — XVII. Т. 8: Идиот. М., «Наука», 1973, стр. 207.

В купринском рассказе представлена полная парадигма, исчерпывающий набор вариантов любовного чувства. Среди них — чувство унижительное: испытывающий его (воспользуемся выражением чеховской героини) «ниже любви». Таковы истории двух офицеров, рассказанные Вере другом покойного отца старым генералом Аносовым: один, стремясь доказать свое чувство, бросается под поезд и теряет руку (неясно, готов ли он был умереть, исполняя слова женщины, которой служит, или рассчитывал спрятаться между рельсами и покочелиться из-за нелепого вмешательства сослуживца), другой — прощает все похождения и измены собственной жене («случай... совсем жалкий» — (41)). Близок к ним пунктиром намеченный сюжет — отношение к жене мужа Веринной сестры Анны: «Густав Иванович хохотал громко и восторженно, и его худое, гладко обтянутое блестящей кожей лицо, с прилизанными жидкими, светлыми волосами, с ввалившимися глазными орбитами, походило на череп, обнажавший в смехе прескверные зубы. Он до сих пор обожал Анну, как и в первый день супружества, всегда старался сесть около нее, незаметно притронуться к ней и ухаживал за нею так влюбленно и самодовольно, что часто становилось за него и жалко и неловко». (21)

Это своего рода вариант «любви мертвеца», живого трупа — Густав Иванович походит на кадавра; однако она не лишена вполне человеческих свойств: страстности (желание прикоснуться к любимой), не разделяемой Анной, и тщеславия, видимо, связанного с гордостью персонажа своей супругой, ее красотой.

Заурядный вариант любви, словно пародирующий историю Желткова, — отношения, связывающие Веринного брата Николая с некоей замужней дамой, чей супруг отказывает ей в разводе.

А еще есть два непохожих случая брака, в первом из которых любовь земная, обыкновенная, может стать, когда-то была, а во втором была несомненно, — семейная жизнь генерала Аносова и супружество княгини Веры Шеиной. Аносов «был когда-то женат, но так давно, что даже позабыл об этом. Еще до войны жена сбежала от него с проезжим актером, пленяя его бархатной курткой и кружевными манжетами. Генерал посылал ей пенсию вплоть до самой ее смерти, но в дом к себе не пустил, несмотря на сцены раскаяния и слезные письма. Детей у них не было» (19 — 20)¹⁹. История печальная, для ее участника несколько унижительная. История Веры счастливая, но это счастье простое, заурядное: у нее «прежняя страстная любовь к мужу давно уже перешла в чувство прочной, верной, истинной дружбы» (5).

И только любовь-преклонение Желткова — чувство возвышающее и лишённое сексуального влечения: не случайно он не ревнует Веру к ее мужу, а князь Василий в свой черед не питает ревнивых чувств к этому мелкому чиновнику с немного смешной фамилией. Желткова невозможно представить на месте князя Василия, о котором сказано «муж пришел <...> в постель» к жене (55).

Одна читательница, скрывшая свое настоящее имя под псевдонимом Эклиптика, предлагая свой вариант развязки рассказа — превращение Желткова в доброго знакомого Шеиных, — приводит такой аргумент: «Ведь когда сильное чувство безответно, когда платоническая любовь длится такой продолжительный период, как у Желткова, духовное влечение к человеку совершенно вытесняют страсть и сексуальное желание, поэтому, полагаю, риск того, что Желтков будет смотреть на Веру Николаевну влюбленными глазами и это как-то отрицательно повлияет на совместную жизнь с ее супругом минимален»²⁰.

Но платоническая и безответная любовь — это вовсе не одно и то же. Никакой «страсти», никакого «сексуального желания» в любви Желткова не было

¹⁹ Еще одна история любви — чувство молодого Аносова к девушке-болгарке. Но и этих в отношениях нет ничего необыкновенного: «...мы дали друг другу клятву в вечной взаимной любви и простились навсегда». Слушатели небезосновательно видят в ней «не любовь, а просто бивуачное приключение армейского офицера» (36).

²⁰ См.: <http://az.lib.ru/comment/k/kuprin_a_i/text_0170?PAGE=2>.

и нет не потому, что они испарились, не подпитываемые ответным чувством, взаимностью или надеждой на ее. Их нет потому, что любовь купринского героя — *иная*.

Парадоксальным образом «маленький человек» Желтков оказывается одновременно высоким романтическим героем, соотнесенным с персонажами Данте, Пушкина и Достоевского.

*

Однако кое-кто из современных читателей усомнился как раз в бескорыстной и самоотверженной природе желтковской любви. Читатель с ником Прохожий сурово уличил купринского героя в эгоизме, посчитав маньяком, — заметим, в читательских откликах на рассказ это взгляд обыкновенный: «Ну что сказать, не разделяю я взглядов на „идеальную“ такую любовь и вот почему. В моем понимании, высшая, настоящая, святая, и какая угодно там еще любовь — это чувство, при котором человек готов жертвовать ради любимого (жизнью, здоровьем, временем, своими удобствами), стремится сделать жизнь любимого лучше. Что же делал Желтков? Засыпал несчастную женщину письмами. Вера попросила его прекратить писать — и что, он прекратил? Если бы он ее по-настоящему (в моем понимании) любил, то для него ЕЕ комфорт, ЕЕ благополучие и счастье были бы выше его желания излиться письмами, и он перестал бы писать, ценя превыше всего желание того человека, которого любит. Но он продолжает, из-под тишка, два-три раза в год, он уже не может без этого. Это просто нездоровая мания, он любил не Веру, а свою любовь к Вере. Сложно сказать, то ли он слабый человек, то ли еще что. Словом, нарушал спокойную СЕМЕЙНУЮ жизнь вполне нормальной пары. Так что никакая у Желткова не любовь, а истинно мания. Из-за него теперь Вера, да и все Шеины будут чувствовать себя виноватыми в его гибели.

Утверждают, мол, что можно любить женщину-идеал, мечту и трали-вали. Кто ж мешает — выдумай себе женщину и люби ее на здоровье. Нет же, живую подавай. Но зачем же ее мучать тогда? Старайся ради человека, которого любишь, цени и уважай его желания хотя бы — раз любишь. А раз нет, то и не любовь это»²¹.

Соображения на первый взгляд убедительные. Но взгляд этот — близорукий. Во-первых, Желтков вовсе не был уверен, что его самоубийство ляжет тяжким бременем на сердце Веры. В предсмертном, прощальном письме он не просто допускает, а почти уверен, что она отнеслась к этой любви-преклонению со смехом, как бы ставя знак равенства между Верой и ее циничным братом: «Пусть я был смешон в Ваших глазах и в глазах Вашего брата, Николая Николаевича» (57). Очевидно, для Желткова не важно, насколько земная княгиня Вера Шеина соответствует ее идеальному образу, лелеемому героем; но, так или иначе, он не мог быть уверен в том, что его самоубийство она воспримет как трагедию. Кроме того, в предсмертном письме Желтков благословляет Веру за великое счастье подаренной ему любви — подаренной самим существованием этой женщины: «Богу было угодно послать, мне, как громадное счастье, любовь к Вам»; «Я бесконечно благодарен Вам только за то, что Вы существуете»; «От глубины души благодарю Вас за то, что Вы были моей единственной радостью в жизни, единственным утешением, единой мыслью» (56, 57, 58). Он ни в коей мере не пытается ее хоть в чем-то обвинять. (Хотя обвинять Веру и так не в чем.) И действительно, в конце концов Вера не остается жить с чувством вины, а обретает покой и умиротворенность: «— Нет, нет, — он меня простил теперь. Все хорошо» (63).

Кроме всего прочего, самоубийца камуфлирует мотивы своего поступка, дважды — в разговоре с князем Василием Шеиным и в предсмертной записке — упоминая о растрате казенных денег. Запрет княгини Веры писать ей и стараться увидеть ее таким образом словно исключается Желтковым из числа мотивов, заставивших его расстаться с жизнью. Читатели, судя по их коммен-

²¹ См.: <http://az.lib.ru/comment/k/kuprin_a_i/text_0170?&COOK_CHECK=1>.

тариям к рассказу, в эту версию поверили, объясняя преступление Желткова стремлением добыть средства на оплату золотого браслета, в который были вставлены старинные камни. Однако такая трактовка сомнительна: получается, что герой, молитвенно преклоняющийся перед своей Прекрасной Дамой, подарил браслет, приобретенный благодаря преступлению. Решение уйти из жизни (в разговоре с князем Василием Шеиным, а затем в письме его жене названное эвфемизмом «отъезд») герой рассказа принимает только после телефонного разговора с Верой, хотя и объясняет свой «отъезд» растратой казенных денег.

Да и что оставалось купринскому герою? Не писать, отойти в сторону, убить не себя, но свое чувство? «Вариант, который был бы самым лучшим для Желткова — погасить то чувство, которое испытывает к Вере Николаевне. Это решило бы все проблемы», — несколько резонерским тоном дала совет Желткову Эклиптика в отклике на рассказ. Но Желтков не может не писать Вере, не может исчезнуть из ее жизни, сам при этом оставаясь жить. «Подумайте, что мне нужно было делать? Убежать в другой город? Все равно сердце было всегда около Вас, у Ваших ног, каждое мгновение дня заполнено Вами, мыслью о Вас, мечтами о Вас... сладким бредом», — признается он в последнем письме (57).

Со сторонней точки зрения такое чувство и такое поведение могут показаться маниакальными. Однако Желтков утверждает в своем прошальном послании, приложенном к гранатовому браслету: «Я проверял себя — это не болезнь, не маниакальная идея — это любовь, которую Богу было угодно за что-то меня вознаградить» (57). В рассказе нет другой трактовки чувства, дарованного герою. Если его и можно назвать болезнью, то это «высокая болезнь».

Наконец, без трагической коллизии, без самоубийства героя не было бы сюжета рассказа. Между тем это сюжет особенного рода — история самоубийцы, явным образом проецируемая на классическое произведение о персонаже, стреляющемся из-за неразделенной любви, чтобы избавиться от своего присутствия любимую женщину и ее мужа: на гётевский чувствительный роман «Страдания юного Вертера». «Вертер» уже давно написан и, казалось бы, безнадежно устарел. Но Куприн возрождает и обновляет как будто бы обветшавшую историю. Только его герой «Гранатового браслета» — всего лишь служащий акцизного ведомства, зато его любовь, чуждая желания обладать любимой, едва ли не выше и не «посильнее» чувств персонажа Гёте.

Не поняв литературный «механизм» купринского рассказа и не открыв его литературные подтексты, невозможно и оценить и постичь «характер» Желткова, который является не реальной личностью, а персонажем художественного текста.

Дмитрий Кузьмин заметил по поводу попыток сделать классику живой и интересной современным школьникам: «Разумеется, и в русской классике можно найти тексты, освоение которых может стать доподлинным уроком жизни. Но искать их нужно, руководствуясь не литературной табелью о рангах, а кругом проблем, с которыми сталкивается юный читатель, которыми он готов заинтересоваться. <...> И если, к примеру, 15-16-летним старшеклассникам хочется понять, что такое любовь, чем определяется ее сила и искренность, — нет никакого резона в том, чтобы по крохам выковыривать соображения на этот счет из „Евгения Онегина“ или „Войны и мира“, а нужно прочесть с ними „Гранатовый браслет“ и вместе разобраться, кто в нем подлинный герой: незадачливый влюбленный чиновник, на свой лад стремившийся довести до сведения дамы сердца, что „в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский“, или муж героини, всякое действие или бездействие которого определяется желанием счастья для своей не слишком внимательной к нему супруги.

Думается, то, что книга при такой постановке дела оказывается не целью, а средством, не принижает ее, а возвышает. Книги оказываются юному читателю **нужны**»²².

²² Кузьмин Дмитрий. Уроки литературы как уроки жизни. — Русский журнал. Дата публикации: 28 марта 2003 <http://old.russ.ru/krug/20030328_dk.html>. Выделено в оригинале.

Подход этот, наверное, по-своему полезный и важный. Наивные, восторженные, пронизательные, циничные и глупые отклики на полях «Гранатового браслета» в Библиотеке Максима Мошкова, принадлежащие, судя по всему, уже не школьникам, — свидетельство, в общем, вроде бы отрадное: значит кому-то небезразличны купринский рассказ и его герой и кого-то тревожат и влекут споры о природе настоящей любви. Однако, если мы хотим понять, *что* хотел сказать своим рассказом автор, и тем самым приблизиться к пониманию другой эпохи, ее вопросов и ценностей — расширить свое сознание, свой кругозор (говоря шершавым языком штампа — «обогащать свое я»), читать рассказ, не принимая во внимание мысли его творца, не стоит. Очевидно, что князь Василий Львович Шеин, несмотря на душевную тонкость, тактичность и предупредительность (качества, впечатлившие почти всех читателей в Библиотеке Максима Мошкова), — «герой не этого рассказа», а акцизный чиновник Желтков не имеет ничего общего с жалким мелкотравчатым господином Бобчинским. Здесь был бы уместен скорее иной вопрос: почему не Шеин оказывается в центре внимания Куприна?

Непонимание Желткова многими современными читателями — конечно, свидетельство разрыва времен. Автор комментария с псевдонимом Толедо высказался по этому поводу так: «В наше время (абсолютно пустое и безнравственное) понять такого человека, как Желтков почти невозможно. Настоящая любовь — это дар от бога. Получить такой дар дано лишь единицам. Желтков — один из таких избранных. Ему можно искренне позавидовать, но, одновременно, и посочувствовать, потому что чаще всего такие люди остаются непонятыми и, как ни странно, одинокими. Ведь, возможно, так сильно, искренне и благородно можно любить лишь женщину-мечту; женщину, с которой по каким-либо причинам ты не можешь быть вместе, но тебе позволено любоваться ей, мечтать о ней, быть благодарным ей только за то, что она есть на этом свете, являясь твоей единственной радостью, всем смыслом твоего существования».

Считаю что „Гранатовый браслет” является истинным шедевром Русской литературы, произведением, в котором с удивительной точностью изображается та настоящая величественная любовь, которую люди веками просили у бога, и которая, в большинстве своем так и оставшись непостигнутой, в наши дни, к огромному сожалению, была просто напросто забыта»²³.

Оставим в стороне сетования на безнравственность нашего времени: так сурово и пессимистично о своей современности высказывались, как известно, всегда — начиная с древнеегипетских авторов в записях на папирусах и шумеро-аккадских — в клинописных текстах на глиняных табличках. Любовь Желткова представлена в рассказе не как эмоция героя своего времени, сына своего века, а как чувство совершенно исключительное и для той эпохи, а не только для нашей. Об уникальности, драгоценности такой любви прямо говорит старый мудрый генерал Аносов. У купринского персонажа был прототип с почти той же фамилией — некто Жолтиков, в основе сюжета «история безнадёжной любви мелкого чиновника к жене члена Государственного совета, позднее виленского губернатора Д. Н. Любимова. Реальных прототипов имели и другие персонажи рассказа. Силою таланта Куприна жизненный эпизод был превращен в историю любви, о которой веками мечтают и тоскуют „лучшие умы и души человечества — поэты, романисты, музыканты, художники”»²⁴. Только в отличие от Желткова его прототип П. П. Жолтиков не застрелился, а уехал; позднее он женился²⁵.

История Желткова — или то, чего нет на свете (воспользуемся словами старшей современницы Куприна Зинаиды Гиппиус), или то, что случается, но редко (на сей раз перефразируем Гоголя). Просто тогда, когда рассказ создавался, автор мог быть уверен, что большая часть публики отнесется к такому герою

²³ См. <http://az.lib.ru/comment/k/kuprin_a_i/text_0170?PAGE=2>.

²⁴ Бабичева Ю. В. Александр Куприн, стр. 385.

²⁵ См. об этом: Куприна - Иорданская М. К. Годы молодости. М., «Советский писатель», 1966, стр. 69 — 70.

с почтением, а не с ухмылкой — глумливой или недоуменной. Желтков и его автор — современники символизма — неоромантического литературного движения, на фоне которого персонаж «Гранатового браслета» никак не мог выглядеть докучливым маньяком. Куприн смог превратить «маленького человека» в действующее лицо ультраромантической истории, не впад ни в ложную пафосность, ни в сентиментальный драматизм. Желтков, бывший поначалу предметом карикатур князя Василия Шеина, оказывается сопоставим и с автобиографическим героем Данте Алигьери, и со средневековым рыцарем, служащим Прекрасной Даме, и с «вполне прекрасным человеком»²⁶ князем Мышкиным, и с несчастным влюбленным Вертером. Куприн доказал, что эти символы преклоняющейся любви не канули в небытие, что они могут воскреснуть в новой, необычной реинкарнации. Способны ли читатели нашего времени понять этот образ? Кто-то способен, кто-то нет. Но постараться понять стоит.

²⁶ Выражение самого Достоевского из письма А. Н. Майкову от 31 декабря 1867 (12 января 1868) года; см.: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 тт. Публицистика и письма. Т. XVIII — XXX. Т. 28. Письма, 1860 — 1868. Кн. 2. Л., «Наука», 1988, стр. 241.